

логических опросов показывают самоидентификацию большей части населения с православием и другими традиционными конфессиями. Корректная интерпретация данных должна учитывать, что большинство респондентов имеют в виду не конкретную форму веры, а принадлежность к определенной этнокультурной среде, культурной традиции, или исходят из конъюнктурного подражания поведению высшей бюрократии. Однако указанное стремление светской и церковной власти, даже воспринятое частью населения внешним образом, а частью – конформистски, вряд ли соответствует реальной ментальности активных слоев населения и либерально-демократическим ценностям, продекларированным в Конституции РФ. Попытка свести к православному единообразию конфессиональное и мировоззренческое многообразие, а также неопределенность и эклектику, свойственную ментальности основной массы населения, способна на время возродить традиционные комплексы сакрализации власти, двоеверия, породив при этом межконфессиональные противоречия и конфликты, но вряд ли отвечает реальным потребностям общества и потому обречена на провал. В РПЦ существуют внутриконфессиональные противоречия, есть конфликты между консерваторами и либералами, сторонниками сохранения «чистоты веры», этнонациональной замкнутости, и экуменистами. Политика придания православию официального статуса откидывает страну в пройденное прошлое, возрождает в верующих былые и новые формы религиозной нетерпимости. Не следует переоценивать и возможности манипулирования сознанием масс. Политизация и коммерциализация православной церкви наносит урон вероучению и образу церкви в глазах верующих. Гораздо более последовательным было бы придерживаться конституционных норм, признающих вероисповедание частным делом гражданина.

3.3. Политическая культура россиян и дискурс власти

В соответствии с теоретической моделью гражданина, описанной нами в первой главе, феномен гражданина возникает и воспроизводится в результате динамического взаимодействия множества социокультурных факторов. Один их ряд образуют социально-политические институты, создающие объективные условия и возможности для существования гражданина в качестве социального и политического субъекта. Другой ряд – это культурные и ментальные факторы: ценности, идеалы, традиции, нормы, символы, социальные установки, стереотипы восприятия и оценки ситуаций, стандарты, модели и образцы поведения и т.д., мотивирующие

деятельность индивидов и тем самым определяющие характер функционирования социальных и политических институтов. Точкой пересечения этих двух рядов факторов является личность, которая осваивает и интерпретирует все эти объективные и субъективные формы и смыслы и выступает в качестве главной основы существования феномена гражданина. Соответственно, три измерения образуют данный феномен в целом. Гражданин – это публичная роль личности, подразумевающая совокупность прав и обязанностей. Причастность к публичной власти, участие в ее осуществлении в прямой и косвенной форме – посредством делегирования части собственной власти представителям, – определяющая функция гражданина в демократическом государстве. Институциональная основа феномена гражданина – его конституционный статус, ментальная – этос гражданина, или его политическая культура, взятая сквозь призму установок и моделей поведения.

Рассмотрим параметры ментального измерения феномена гражданина. Именно политическая культура населения является основанием легитимности наличного институционального порядка властвования. Даже в целях конструирования объекта власти необходима опора на реально существующую культуру и ментальные установки населения. Однако не меньшую роль в политике играет та или иная интерпретация политической элитой содержания политической культуры конкретного общества, ее сегментов и каждого ее члена, поскольку от этого зависит политический режим и курс развития. Наличие различных идеологических интерпретаций содержания политической культуры, их конкуренция создает возможность более адекватного отражения интересов и потребностей разных групп общества. О степени развития, распространения и признания гражданской политической культуры, или этоса гражданина можно судить на основе исследования официального дискурса, с одной стороны, и общественного мнения – с другой. Первый требует соотнесения утверждений декларативного плана, представленных в СМИ, и последствий фактических действий властей. Второе также не монолитно, но еще и подвержено значительному влиянию официального дискурса, доминирующего в масс-медиа. Нас будет интересовать ряд вопросов. Каковы массовые представления россиян о собственной политической роли? Автономна ли политическая культура граждан России? Представлен ли в ней развитый этос гражданина? Существуют ли медиативные структуры в российской культуре? Каков ее главный герой? Существует ли в ней культурный герой как медиатор, проводник, способный осуществить переход от противопоставления отношений и терминов к их сближению, а также перевод конфликта в конструктивное взаимодействие?

В публичном дискурсе последних лет бурно обсуждаются проблемы внешней политики, геополитические интересы и великодержавные претензии России. Однако проблемы внутренней политики – экономического кризиса, социального расслоения и неравенства, а также контроля общества над властью, ответственности государственных структур перед гражданами, гражданской активности, реализации политических прав граждан, изменения отношения государства к общественным объединениям и ряд связанных с этим проблем – остаются вне публичных дискуссий. В результате такой информационной политики внимание общества фрагментируется, рассредоточивается, отвлекается. Публичное обсуждение реальных проблем внутренней политики в России, состояния экономики, образования, здравоохранения и других, с попыткой выяснить причины происходящего и найти способы их решения, отсутствует. Общественное мнение отвлекается от первостепенных вопросов, в это время власть почти кулуарно проводит решения по проблемам, касающимся всего общества. Легитимность власти в данном случае опирается на нынешнее состояние общественного мнения как среза политической культуры общества и каждого его члена. Дискурс власти и состояние массового сознания коррелируют друг с другом: первый опирается на последнее, активно воздействуя на него. В этом смысле мы как общество «заслуживаем» такую власть, поскольку не можем найти ей альтернативы, однако это не столько «вина», сколько «беда» нашего общества. Происходит замещение общественной потребности в участии граждан в управлении обществом и государством, включая участие в определении целей его развития, потребностью власти в конструировании «нетребовательного политического потребителя», создаваемого в целях самосохранения власти.

Вообще существует серьезная проблема отделения собственно политической культуры россиян от всей совокупности средств и способов влияния на нее со стороны власти. Власть не оставляет общественное сознание наедине с проблемами и не дает никаким иным специалистам, ученым, журналистам, серьезно воздействовать на общественное мнение. Фактически в сегодняшней России за последние 30 лет была целенаправленно сформирована монополия государства (узкой группы лиц) на средства массовой коммуникации. Не дороги, транспорт, экономика или право связывают воедино разные регионы России, и не культура, образование или наука объединяют сознание россиян. Роль социального института, транслирующего представление о должном, объединяющего страну, играет телевидение. А. Качкаева убедительно описывает факторы, благодаря которым власть формирует «единую Россию» – «нацию телезрителей». На национальном уровне установлена олигополия: российский телевизион-

ный рынок поделен между тремя доминирующими игроками – тремя группами, это «Газпром-медиа» (ГПМ), Национальная Медиа Группа (НМГ) и ФГУП «Всероссийская государственная телерадиокомпания» (ВГТРК) [Качкаева 2016: 42]. Они поддерживают единство информационного пространства государства, индустрии развлечений, политической рекламы и пропаганды. После принятия закона об ограничении иностранного капитала в СМИ (2014 г.) фактически весь телевизионный рынок каналов, доступных населению всех регионов России, находится под финансовым и идеологическим контролем «Газпрома». Вследствие установления монополии, телевидение, использующее современные цифровые и социально-психологические технологии, было превращено в оружие медиапротивостояния («перманентной войны») России и Запада, формирующее милитаристское сознание граждан в целях и интересах правящей группы, в руках которой сконцентрирована власть и собственность. Телевидение не только и не столько использует черты и свойства инерционной культуры россиян, но применяет традиционные и новейшие способы ведения информационных войн и манипуляции сознанием. Оно занимается производством и тиражированием эмоций и настроений (патриотизма, ненависти, неприятия любого «другого», противопоставления «наших» и «чужих» ценностей, постимперского синдрома, тревожности и т.д.) – с помощью реконструкций, постановок и информационных фейков, посредством программирования динамики настроений, переформатирования и формирования установок, применяет множество различных приемов поддержания нужной властям повестки дня [Качкаева 2016: 46–47].

В качестве системы координат для выявления специфики российской политической культуры используем формулу гражданской идентичности С. Хантингтона. Гражданственность, или политическую культуру, американской нации он определяет через политико-правовые, идеологические, культурные, социально-психологические признаки, основу которых составляет англо-американо-протестантская культура; ее формула – «лояльность, патриотизм, идентичность» [Хантингтон 2004: 344]. При этом лояльность включает пассивные и активные моменты, последние обозначаются через понятие гражданского участия. Эту формулу можно использовать как некий структурный инвариант, который предусматривает конкретное социокультурное наполнение. Используя результаты социологических исследований общественного мнения, полученные Левада-Центром в разные годы, попробуем определить состояние и динамику политической культуры массового индивида, выявить наличие и уровень проявленности компонента гражданской активности (гражданского участия, или политической субъектности гражданина РФ) в общественном

мнении. Структурно-семантический каталог оппозиций как элемент нашей модели гражданина поможет нам раскрыть специфику политической культуры и ментальности россиян. Это, в частности, оппозиции участие/неучастие.

Одним из основных параметров политической культуры массового индивида является лояльность государству, власти. Как представлены в общественном мнении россиян пассивные и активные характеристики лояльности, в том числе комплекс гражданского участия? О высоком уровне лояльности в ее пассивном выражении свидетельствуют данные исследования 2006 г.: «Для большинства опрошенных независимо от их политических симпатий власть ассоциируется преимущественно с конкретными высшими государственными лицами – президентом (64 %), правительством (36 %), местными чиновниками (19 %)» [Левада 2006: 9, табл. 1]. Рядовой гражданин в массовом сознании не вызывает никаких ассоциаций с властью. Власть, персонифицированная президентом, в общественном мнении противопоставляется всей властной элите, доверие к первому уживается с критическими мнениями о чиновниках всех других уровней власти. Заслуги в позитивных сдвигах в решении социальных проблем приписываются президенту, а ответственность за негативные явления – правительству и местным чиновникам. При этом оценка «людей у власти» преимущественно негативная: «Только 16 % опрошенных считают, что для стоящих у власти более важно процветание страны, 72 % – что это незыблемость и укрепление собственной власти» [Левада 2006: 10].

Массовое патерналистское сознание не способно произвести хотя бы элементарный анализ факторов, причин и следствий неудовлетворительного состояния экономики, здравоохранения или образования, не способно дать критическую оценку руководству страны за те или иные политические решения, которые могли породить диспропорции, ошибки, привести к усилению внутреннего или внешнеполитического кризиса. Низкая степень рационального мышления, рефлексии у населения компенсируется эмоционально-психологическим восприятием ситуации. По мнению Л. Гудкова, включились механизмы психологической защиты: «недовольство отдельными «персонами» наверху становилось элементом защиты системы в целом» [Гудков 2011: 199–200]. Эти же механизмы действуют и в последние 18 лет по форме «добрый царь и злые бояре».

Активный аспект лояльности выражается понятием «политическое участие» и связан со следующими компонентами: интерес к политике, возможность влиять на принятие государственных решений, уровень готовности к активному политическому участию, возможность общественного (гражданского) контроля над действиями властей, степень причаст-

ности гражданина к государству. Помимо политической и правовой ответственности, лояльность включает и моральную ответственность гражданина за деятельность государства. Результаты данного социологического исследования последовательно раскрывают каждый из этих компонентов. «Большой» интерес к политике в 2006 г. имели 15 % респондентов, а «малый» («в малой степени» или «совершенно не интересует») – 47 %: «...во всех выделенных группах опрошенных преобладает слабый (или «нулевой») интерес к политической жизни... Этот интерес имеет преимущественно пассивный («зрительский») характер и мало связан с реальным или даже желаемым участием в политической жизни» [Левада 2006: 11, табл. 3]. Возможность «влиять на принятие государственных решения в стране» видят только 15 % опрошенных, 82 % – такой возможности не видят [Левада 2006: 12]. Молодые граждане чуть более оптимистичны (или наивны?) в оценке такой возможности (21 против 77 %), допускают свое влияние на политику. Выявляется также и отсутствие зависимости между одобряющими президента и оценкой возможности влиять на принятие политических решений. Уровень готовности российских граждан к более активному политическому участию остается весьма низким, такую готовность в среднем демонстрируют 18 % опрошенных, а ее отсутствие – 77 % [Левада 2006: 12, табл. 5]. Спустя годы данные на эту тему изменились следующим образом. На вопрос «В какой степени вас интересует политика», в среднем 10 % респондентов ответили «В очень большой (2 %)+ в большой», 53 % – «В малой + вообще не интересует +30», 40 % – «Готовы голосовать за ЕР», 39 % – «Согласны с тем, что ходить на выборы бесполезно, все остается по-прежнему» [Гудков 2016: 120]. Таким образом политический индифферентизм у государственно зависимых категорий населения со временем усиливается. Исключение составляют лишь 2014-2016 годы, когда политизация сознания была прямым результатом действия государственной пропаганды на телевидении.

Преобладание пессимизма в отношении политического участия показывают следующие данные. «Свое нежелание более активно участвовать в политических делах, ссылаясь, что «все равно ничего изменить нельзя, объясняют 25 % опрошенных, «политика – не для рядовых граждан, ею занимаются власти» – 22, нет времени для политики, поскольку они заняты «своими повседневными делами» – 19, «ничего не понимают в политике» – 17, «политика – грязное дело» – 11, «не хочется выделяться среди других людей» – 3, а преследования со стороны властей опасаются 2 % респондентов» [Левада 2006: 12]. Исследование государственно-патерналистских установок населения на протяжении периода с 2003 по 2015 гг. показало следующее. На вопрос «Чего, по Вашему мнению, такие

люди, как Вы, сейчас больше всего ждут от власти?» в 2015 г. 47 % респондентов ответили «Заботы о материальном положении» (а в 2003 г. – 50 %), 13 % – «Поддержания порядка в обществе», 17 % – «Защиты законных прав и свобод граждан», 7 % – «уменьшения налогов», 2 % – «Чтобы их оставили в покое», 12 % – «Ничего особенного не ждут», 2 % – «за-трудняюсь ответить». Получается, что степень патернализма, зависимости населения от государства за 12 лет если и уменьшилась, то лишь на 3 %. Есть увеличение на 7 % (2003 – 2015 г.) доли тех, кто считает, что государство должно заниматься защитой законных прав и свобод граждан, но это не меняет соотношения сил в целом.

Оценки людьми причин невозможности общественного контроля над действиями властей выявляют реально действующие факторы массового политического неучастия. Среди них: господствующий стиль деятельности властных структур – ответственность чиновников перед вышестоящими инстанциями, а не перед гражданами (48 %); скудость информации о деятельности властей (29 %); уменьшение роли выборов, референдумов, свободных публичных дискуссий (27 %); политическая апатия населения (18 %), сохраняющаяся надежда на заботу власти (17 %) [Левада 2006: 13]. Основой всего комплекса установок российских граждан в их отношении к деятельности органов власти является социально-политическое и моральное отчуждение массового индивида от общественных и, особенно, государственных дел. Это свидетельствует о реалистичности массового ощущения, констатирующего фактически незначительное место гражданина в нынешней политической системе, контрастирующее с декларируемым конституционным статусом гражданина РФ, о привыкании общественного мнения не доверять декларациям.

О каких тенденциях в динамике общественного мнения в период с 1999 по 2016 годы можно говорить? Больше распространение к 2006 г. получила требовательность по отношению к государству (15 % против 6 %), снижение стремления помогать («служить») государству (9 % против 17 % в 1999 г.), снижение надежды на возможность заставить государство служить гражданам (27 % против 37 %). Доминирующим остается установка «разочарованного патернализма»: не смея требовать чего-то от государства, люди продолжают ждать «отеческой» заботы, при этом жалуясь на недостаточность таковой [Левада 2006: 13].

Низкая степень причастности к власти, или фиксация отчуждения граждан от политики, порождается не только инерцией советской политической системы, но является следствием целенаправленных мер отстранения человека от власти, предпринимаемых с начала 2000-х годов. Состояние политического отчуждения раскрывается посредством такого призна-

ка, как «моральная ответственность». В исследовании Левада-Центра 2006 г. был взят узловый аспект взаимодействия, двусторонней связи гражданина и государства – динамика «моральной ответственности» человека за действия властей и происходящее в стране. «После разрушения советской модели... «безусловное» отрицание всякой моральной ответственности человека за власть и страну неизменно и значительно преобладает над «безусловным» ее принятием» [Левада 2006: 13]. Соответствующие показатели 2006 г. составляют: «отрицание» – 37 %, «признание» – 10 %. В отношениях гражданина и государства фиксируется «лукавая взаимозависимость» или «качественная ограниченность». Ответы на вопрос, «В какой мере выполняют свои обязанности...» подведены в виде «баланса выполнения (соотношения мнений («выполняют»/«не выполняют»)). Такой баланс применительно к гражданам («граждане перед государством») составляет 36:23, а применительно к государству («государство перед гражданами») – 9:54.

Представления о взаимных обязательствах и взаимном контроле государства и граждан конкретизируются следующим образом. Итог выбора респондентами утверждений, подходящих нынешней России, таков: утверждение «Граждане контролируют деятельность власти» выбрал 1 % опрошенных; «Власть контролирует деятельность граждан» – 21 %; «Граждане и власть контролируют друг друга» – 7 %; «Ни власть, ни граждане друг друга не контролируют» – 30 %; «Граждане и власть обманывают друг друга» – 31 % [Левада 2006: 14, табл. 9]. Взаимный обман невыполнение обязанностей – наиболее часто упоминаемые характеристики, свидетельствующие о показном, «лукавом» характере зависимости граждан от государства. Сходные показатели сохраняются и в 2014-2016 годы.

К признакам комплекса политического участия относится еще и потребность в политических правах. В перечне «дефицитов» («Чего не хватает в современной России?»), отмечаемых опрошенными в исследованиях 2006 г., первое место на протяжении нескольких лет занимала нехватка материальных благ (83 % в 2006 г.), второе – отсутствие уверенности в будущем (34 %), третье – культуры, воспитанности (28 %), нравственных принципов (27 %). Потребность в улучшении ситуации с политическими правами испытывает 13 % респондентов. Это свидетельствует о том, что для населения в целом политическая свобода гораздо менее ценна, нежели материальное благополучие; связь между этими параметрами не улавливается общественным мнением. Однако на протяжении ряда лет наблюдается тенденция роста показателей недостатка нравственных принципов, необходимости соблюдения законов и политических прав граждан. В 1989 г. недостаток последних ощущало 11 % опрошенных, в 1994 г. – 5 %, в

1999 г. – 2 %, 2003 г. – 8 %, в 2006 г. – 13 % [Левада 2006: 17, табл. 13]. Наибольшую озабоченность положением с политическими правами в 2006 г. проявили молодые люди. Среди одобряющих действия президента недостаток политических прав усматривали реже (12 %), среди не одобряющих – чаще (19 %). Из сочувствующих демократам – 21 %, из приверженцев «партии власти» – 9 % [Левада 2006: 15].

Интересно и то, как люди определяют свою идентичность, формируется ли гражданская идентичность? В соответствии с исследованиями Левада-центра за 1999-2009 гг. складывается такая картина. На вопрос «Как бы вы определили свое собственное положение в нашем государстве?» в 2009 г. 13 % респондентов согласились с ответом «Полноправный гражданин России, имеющий возможность влиять на власти через выборы», 24 % – «Не могу чувствовать себя полноправным гражданином, поскольку мои права слишком часто нарушаются», 18 % – «Человек, жизнь которого во всем зависит от власти, от государства», 41 % – «Человек, который живет, полагаясь во всем только на себя, не задумываясь о гражданских правах и не рассчитывая на государство», 5 % – «Затрудняюсь ответить». Таким образом, лишь 13 % ответивших в 2009 г. считали, что обладают правовым и политическим статусом гражданина, гражданской идентичностью. Весьма неоднозначное положение у 41 % не зависимых от государства людей, с одной стороны, это самостоятельные социальные субъекты, с другой – это люди, возможно, находящиеся вне правового или легального экономического пространства.

Таким образом, в комплексе характеристик политической культуры гражданина (нации), обобщенных в формуле «патриотизм, идентичность, лояльность», официальный политический дискурс в прошлом десятилетии поддерживал по преимуществу лояльность высшему государственному лицу и патриотизм. В нынешнее время эта тенденция лишь укрепилась, при этом усилилась роль прямой пропаганды и применения грубых и агрессивных политических технологий по поддержанию лояльности большинства населения по отношению к президенту и его внешнеполитическому курсу. При этом все три характеристики фактически сливаются в одну, поскольку в нынешних условиях, когда, по словам Волошина, «Россия без Путина существовать не может», получается, что государственная (национальная) идентичность основана на идентичности гражданина с президентом, да и патриотизм есть «приверженность, то есть любовь к президенту и ненависть ко всем его врагам», это патриотизм с военной составляющей, связанной с готовностью быть мобилизованным президентом, в том числе у некоторых – на войну. Таким образом, патриотизм, идентичность и лояльность – это некое триединое тождество.

Патриотизм, получивший в последнее время гипертрофированную поддержку, приобрел некоторые черты русского национализма [см.: Гудков, Дубин 2005; Зверева 2005 и др.]. Последний же, пройдя сложную историческую эволюцию, в посткрымскую эпоху потерял и этническое, и демократическое содержание, и в ходе информационных войн, организационно-полицейской, идеологической и пропагандистской работы с оппозицией и населением утратил оппозиционность и редуцировался до единственной версии – имперского национализма, почти слившегося с дискурсом власти. «У этнического большинства России развивается не этнический, а государственный державный традиционализм – ощущение гордости за принадлежность к государству с тысячелетней историей, в котором главные события связаны с военными победами и завоеванными территориями» [Паин 2016: 132]. «Русский национализм» в посткрымское время растерял и этническое содержание, и значение «приверженности обществу (нации)». То, что называют в настоящее время «русским национализмом», можно охарактеризовать как постимперское сознание, включающее ностальгию по некоторым элементам российской и советской империй, ресентимент и различные социально-психологические установки типа зависимости, страха, ненависти, зависти.

В России отсутствует рост политического самосознания общества, поскольку народ не воспринимается в качестве источника власти, подавляющее большинство населения (67 – 87 % в разные годы) считают, что не влияют на политику [Общественное... 2016: 58]. Отсутствует и другой важный признак формирования нации и гражданского самосознания – не проявляется стремление к участию в управлении государством: более половины респондентов за период с 2006 по 2015 гг. отметили, что «избегают вступать в какой-либо контакт с властью» [Общественное... 2016: 61]. Э. Паин считает, что и «во второй декаде 2000-х гг. не заметно проявления основных признаков гражданской политической нации, равно как и государства, подчиненного интересам нации», наоборот, «строительство государства в России мешало строительству нации» [Паин 2016: 135]. Отсутствует социальный субъект, способный деконструировать имперское сознание. СМИ продолжают дискредитировать либеральные и демократические ценности, базовые идеи гражданской нации, способной контролировать государство.

В официальном дискурсе, в том числе в программе партии «Единая Россия», доминирует установка на лояльность и патриотизм, комплекс демократического участия в начале 2000-х годов был представлен лишь в декларативно-имитационной форме, в настоящее время он вообще приобрел негативную публичную оценку. Фактически в публичном простран-

ве политической коммуникации дискурс гражданского участия оказался вытеснен идеалом «единения народа и власти». Вследствие уже предпринятых мер по ограничению свободы СМИ и ликвидации условий для публичной представленности мнения оппозиционных сил, «глас народа» стал отраженной копией официального дискурса.

Примером идей, поставляемых вниманию общества с 2000-х годов, является выступление замглавы президентской администрации В. Суркова на круглом столе РГГУ. Главной задачей государства он считал «профилактику революций» [Закатнова 2007: 4]. Официально тогда еще декларировались следующие цели: «Демократия – это власть нашего народа в нашей стране», «демократия – это власть народа, это власть, сила и порядок». Но уже тогда средства достижения цели назывались «от противоположного»: нам не нужны заимствования, советы иностранных правительств, «чужие слова» о свободе и демократии, «непереваренные куски чужого опыта», нужно «не путать личное мнение с общественным», партии должны не разъединять, а «объединять людей вокруг общих ценностей», «не нужно желать поражения или ослабления своей страны». И несколько позитивных: добиваться «интеллектуального суверенитета» и способствовать «попыткам своим умом добиться свободного развития». Главный смысловой стержень выступления оратора – это бинарная оппозиция *свои* («наши») – *чужие*. Оппозиция ксенофобии, противопоставления. Получается, что уже с начала путинского правления исключительно администрации президента отводилась роль единственного выразителя общественного («нашего») мнения, главного и исключительного субъекта политики, интересы которого общество должно считать общими интересами. Этот дискурс воспроизводил еще и советскую логику подавления «личного» и «частного». Интересно, что в речи В. Суркова 2007 г. присутствовало еще одно противопоставление: инновации, но не революционные потрясения, сохранение нынешней «здоровой системы» (политической структуры), а не реформирование («Перманентное реформирование так же вредно, как и перманентная революция»). Тогда еще допускались инновации в экономике и цели модернизации! Но главный скрытый мотив любых речей, деклараций и практических действий власти уже и тогда можно было обнаружить: за стремлением не пропустить «хаос» в отлаженный «порядок» стояло и стоит до сих пор желание власти не допустить никаких иных субъектов в политику. Для этой цели и были проведены все законодательные поправки в избирательное и партийное законодательство, этой же цели подчинена и «зачистка» публичной сферы под официальное мнение. Ведь отличная от официальной мысль, как известно, способна вызвать и

отличные действия, способна найти воплощение – разрушить монополию номенклатурной власти.

В настоящее время силовые группировки, преобладающие во власти, обеспокоены вопросами легитимации политики. Уничтожая реальных и мнимых политических противников, независимые СМИ, предпринимательство и т.д., силовики не просто ждут пассивной лояльности от большинства населения, но при посредничестве массивированной пропаганды со стороны СМИ, монополизированных государством, активно формируют такого рода лояльность. Массовое сознание в последние годы демонстрирует регресс по сравнению с его состоянием в 1990-е и начале 2000-х годов. Усилились «антибуржуазные» или «антисобственнические» правовые установки. Частная собственность перестала быть ценной и законной, ее экспроприация стала считаться справедливой. Это свидетельствует о возвращении общественного сознания к признанию государства в качестве «единственно допустимого правораспорядителя собственнических или имущественных отношений». Поколеблен принцип частной собственности. Была актуализирована традиционалистская приверженность масс ко всему давно сложившемуся, и в первую очередь, к государству и порядку властвования. Из этого вытекает и негативное отношение к разрушению прежнего порядка – к изменению системы государственной собственности, приватизации, ликвидации советской власти [Гудков 2011: 201–203].

В дискурсе власти последних лет, особенно после присоединения Крыма и информационных войн с Украиной и всем внешним миром, допустимость внешней агрессии в общественном сознании оказалась напрямую связана с потенциально возможными и уже осуществляемыми репрессиями над внутренними оппонентами. Должностные лица, политики, общественные деятели, депутаты, телеведущие в своих выступлениях допускают выражения, демонстрирующие «двойные стандарты» властей (по отношению к своим и по отношению к чужим, однако под вторым термином могут подразумеваться разные субъекты – Запад, украинцы, «внутренние враги» и т.д.), избирательное применение закона. Подобное речевое поведение является признаком «цинизма или аморализма властей, их привычной лжи». Оно показывает наглую уверенность данных лиц в безнаказанности их действий, в их собственной безответственности, а главным образом в подчинении населения, в принятии их любых заявлений. Такое поведение представляет собой позу агрессии, демонстрацию силы власти, опирающейся на монополию средств принуждения. Политический цинизм, по мнению Л. Гудкова, это расчет не на глупость большинства и даже не на то, что «массы всегда присоединяются к сильным», но «...это такая ориентация на снижение образа человека», которая предполагает

принятие репрессивных действий, поскольку они поддержаны силой государства [Гудков 2011: 201]. Чтобы удержать контроль, репрессивной власти необходимо принижать контролируемого человека, меру его ресурсов и возможностей. Отсюда насаждение настроений апатии, бессилия, беспомощности и беспрекословного подчинения власти (президенту, почти отождествляемому с монархом) с помощью массовой культуры, СМИ и Русской Православной церкви. Институциональные и культурные условия для негативной консолидации общества и власти производятся посредством нейтрализации гражданской солидарности, общественных объединений, публичной дискредитации внешних и внутренних оппонентов власти. Отсюда культивирование ненависти к Западу и «национал-предателям». Смысл дискурса власти, подкрепляемого работой пропагандистской машины государства – в отрицании ценности политического действия, альтернативного действию, осуществляемому от лица государства, в вытеснении такого действия из сферы возможного. Параллельно осуществляется реставрация авторитарного стиля государственного управления. Вся подобная информационная и символическая политика государства создает культурно-психологические основы для воспроизводства лояльности населения государству, аналогичной советской. Одним из важнейших источников, или оснований «легитимности» нынешней власти является «инерция безропотного подчинения тоталитарной или репрессивной власти ... – это власть в силу привычки терпеть и отсутствия каких-либо ресурсов сопротивления, ропота, инакомыслия» [Гудков 2011: 211].

В наши дни уже отменен курс авторитарной, но все же модернизации. Монопольный субъект политики обрубил все каналы «обратной связи» с обществом, лишил возможностей влияния на принятие государственных решений и политического действия все иные общественные и политические силы и движения. Однако стремление установить полный контроль над общественными процессами, без учета неминуемой неэффективности такого контроля, без понимания взаимосвязи контроля и свободы, управления и самоуправления, процессов организации и самоорганизации, обрекает общество и политику на деградацию и уже сейчас показывает свою неадекватность и несостоятельность. Исключая из большой политики всех иных субъектов, лишая самостоятельности граждан и их объединения как живых и действующих элементов политической системы, монополист лишает установленный им порядок возможности обновления и развития, и в конечном итоге подрывает основы для самосохранения.